

У АЛЕКСЕЯ НИКОЛАЕВИЧА Арбузова не надо спрашивать, сколько ему лет. Год назад отмечался его шестидесятилетний юбилей, и в короткий миг остановки как-то особенно ясно увиделось, что за плечами большая жизнь, безраздельно отданная советскому театру.

На письменном столе у Арбузова журнал, раскрытый на фотографии — рабочий момент съемки фильма по пьесе «Мой бедный Марат», который снимается сейчас в Англии, и еще сборник пьес хозяйина, развернутый на начальной страничке «Домика на окраине», где явственно выведено непривычно дерзкое у нас слово — мелодрама. Значит, Арбузова интересует сейчас как первоочередное фильм, снимаемый за рубежом, и давняя, еще военная его пьеса, к которой вернулся недавно Театр имени Ленинского комсомола, поставив ее под названием «Вера, Надежда, Любовь»...

— Я как-то не очень ловко себя чувствую, — с места в карьер начинает писатель нашу беседу — не первую, но как бы продолжающуюся.

Мне пришлось писать о нем книгу, и мы встречаемся часто, пытаюсь сколько можно больше узнать друг о друге, — как никак, попали в творческую взаимозависимость: он волнуется — а что там напишу о нем я, я же беспокоюсь — а что новенького напишет он, только бы удачно, у книги должен быть счастливый, добрый финал.

— Как-то не очень ловко я себя чувствую, — повторяет Арбузов. — Всегда говорил, что театральным писателем не должен увлекаться кинематографом, делать из своих пьес сценарии — совсем иная специфика, иные законы. Театр сам обладает еще не разгаданными волшебными свойствами, огромным, еще не использованным зарядом эмоционального воздействия — зачем же оставлять его, уходя в совершенно непохожий творческий цех?.. Всегда говорил именно это и вдруг увлекся кинематографом, активно, много тружусь, чтобы фильм, который будет называться «Обещание», вышел истинно художественным, одновременно и общечеловеческим, и глубоко русским, отражающим великую роль советского народа в борьбе с фашизмом. Но, все же остаюсь в прежнем убеждении, что место драматурга — в театре, что не надо изменять театру даже ради богатейших выразительных возможностей кино. Оно очень бедное, это кино, хотя бедным обычно называют театр в сравнении с перспективами экрана. Бедное кино потому, что

нет в нем живого, думающего, страдающего и радующегося актера, живых глаз, трепетной, сиюминутной эмоциональной отдачи.

От одного предмета к другому — и вот мы говорим о мелодраме, жанре, в котором много работал Арбузов, хотя этот жанр и не в чести у нашей критики, почему-то отождествляющей мелодраму, которой не чурались великие классики, со слезливым сентиментализмом, — с пошлой, старомодно-салонной литературой.

убегать от благополучия, а я сижу в центре Москвы и никак не избегаю губительной, но милой, затягивающей суесть. Но зачем же столь прямолинейно — раз я сам не переселяюсь в Нарьян-Мар, значит, не могу и звать своих персонажей в дальние дороги! Нет, я все равно уверен, что нас где-то ждут, не случайно я так и назвал одну из своих пьес. Думаю, что мы, каждый из нас не выжились вполне, до конца. Есть где-то непржитые нами жизни, неосвоенные про-

дей давно меня занимали. Часто они присутствуют вместе в одной и той же пьесе — Таня и Игнатов, Ведерников и Лаврухин.

Радуюсь ли я, что многие мои старые пьесы то и дело возвращаются на сцену, что не сходит с репертуара «Таня», что снова поставили «Годы странствий», идет «Иркутская история», часто возобновляются «Город на заре», «Дальняя дорога»?.. Ну конечно, радуюсь. Однако это в чем-то и настораживает. Не хочется становиться

Подчас критики путают устоявшиеся штампы со спецификой писателя, а отход от штампов объявляют отходом писателя от типичных явлений жизни, принимая схемы за типы. Хочется двигаться дальше. Но двигаюсь я все в одном и том же, раз и навсегда выбранном для себя направлении — искусства социального, граждански, активного, не уходящего от современности.

— Ну и естественно, вопрос традиционный: а над чем вы работаете сейчас?..

— Сразу над многими пьесами. Одна отлеживается, другая вдруг начинает требовать немедленного продолжения, потом снова вернусь к первой, глядишь, что-либо из задуманного начинает раздражать, казаться неправдивым, плоским, уходишь к другому сюжету, а непонравившийся отдохнет и снова прилепится к сердцу. Так я и работаю. Вот решил написать пьесу с идеальным во всех отношениях героем, люблю иногда, помимо всего прочего, задать себе и задачу, так сказать, формальную — ведь необходим и определенный тренаж, как музыканту, спортсмену. Итак, задумал «идеального» героя. Разложил перед собой рекомендации. Следовало неуказательно всем правилам. И вдруг неожиданно для меня вышел герой комический. А в работе у меня еще одна пьеса — «Выбор», о человеческом упорстве, о том, что, даже достигнув счастья, надо идти дальше, так как это лишь ступень к новым вершинам духа. Кто сумеет сделать этот последний, еще один, самый трудный шаг к вершине?.. Ведь и здесь, у ее подножия, неплохо, можно жить и жить. О людях, этот шаг делающих и не делающих, я сейчас и пишу новую пьесу.

Арбузов подходит к окну.

— Это очень хорошо, когда перед тобой весь город со всей своей сложной многоголосой жизнью, а ты смотришь и думаешь. Думаешь о том же, о чем, вероятно, думают все писатели, — как поскорей прийти на помощь ошибающимся, как сделать их добрее, умнее.

Я думаю обо всем этом, очень радуюсь, когда хоть что-нибудь удастся, печалюсь, когда вижу, как свивают себе на сцене гнездо пошлости, безвкусица, ложная мысль. Это не просто плохо. Дурной театр — это моральная опасность.

Надо работать, а это значит думать о будущем, потому что старость начинается в тот день, когда впервые вспоминаешь прошлое, не думая о будущем.

И. ВИШНЕВСКАЯ

В Е Р А, Н А Д Е Ж Д А, Л Ю Б О В Ъ

В гостях

у Алексея

Арбузова

— Заметьте, — говорит Арбузов, — что декаденты, формалисты самых разных окрасок никогда не обращались к мелодраме — это жанр народный, здоровый, адресующийся к живым страстям и демократическим кругам. И, напротив, многие настоящие художники побили мелодраму. Вспомним хотя бы «Без вины виноватые» Островского...

Незаметно от разговора согласного переходим к спорам.

— Вот вы пишете, — говорит Арбузов, — что я мало езжу, а героев своих то и дело призываю покидать столицу, обосновываться в маленьких городках, обживать периферию, работать в Сибири, находить свое счастье то в Нарьян-Маре, то на Иркутской ГЭС — словом, подальше от уют, комфорта, столичной суесть. Литературные герои, мол, должны

фессии, неисхоженные места. У писателя может быть потребность писать и о том, чего не сделал сам, он героям своим отдает непржитую жизнь, он в пьесах организует не случившиеся в жизни встречи, приближает к себе людей, так и не узанных в реальной жизни, пропущенных в сутолоке дел.

О чем я думаю, когда пишу?.. Наверное, о том, чтобы стать лучше. С каждой новой работой я хочу стать лучше, добрее, а это не может не перейти и в зрительный зал.

Люблю писать о людях решительных, точно знающих цель и путь, как бы созданных из одного цельного куска породы. Но не менее интересны и другие характеры — людей, отправляющихся в житейские странствия, ставящих себя к концу пьесы интереснее, умнее, чем они были. Два эти типа лю-

«академическим писателем», ведь я живой и пишу сейчас, пишу, а не только писал. Не только когда работал над «Иркутской историей», «Городом на заре» был гражданином, хотел поднимать большие социальные проблемы. Все это я пытаюсь делать и сегодня, работаю над новыми произведениями. Но иногда создается странное впечатление, будто хорошо и крепко лишь то, что было в моем творческом багаже прежде, а сейчас, мол, пассивен, мелкотемей, — все это я вычитываю иногда в критических статьях о своей работе. Бывает ли так, чтобы писатель вдруг отошел от своих жизненных принципов, на которых стоял всегда? Вряд ли. А если он стремится разрабатывать все новые конфликты, то и хорошо — нельзя ведь всегда писать одну и ту же «Таню», одну и ту же «Иркутскую историю».